

ТЕОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Макс Вебер.
Религия и расцвет капитализма

Глава 2. Классическая социология

Вебер проводил большую часть своей жизни, изучая религию, это несмотря на то, что он когда-то называл себя «нерелигиозным». Одной из его главных проблем была связь между различными религиями мира и развитием капиталистической экономической системы только на Западе. Вебера интересовали прежде всего системы идей мировых религий, «дух» капитализма и рационализации как современной системы норм и ценностей. Он также очень интересовался структурами мировых религий, различными структурными компонентами обществ, в которых они существуют, которые способствуют или препятствуют рационализации, а также структурным аспектам капитализма и остального современного мира. Работа Вебера по религии и капитализму включала огромное количество кросскультурных исторических исследований; здесь, как и в других работах, он сделал сравнительно-историческую социологию. Фрейд обобщил сложные взаимосвязи, связанные с этим исследованием:

1. Системы религиозных идей (в частности, протестантизм) имели уникальный эффект на Западе, помогая рационализировать экономический сектор, и практически все другие институты.

2. Системы религиозных идей в не западном мире создали подавляющие структурные барьеры для рационализации.

Придавая большое значение религиозному фактору, Вебер, похоже, одновременно выстраивал и критиковал его представление о работе Маркса. Вебер, как и Маркс, действовал со сложной моделью взаимосвязи преимущественно крупномасштабных систем: «Социология Вебера связана с размышлениями Маркса в общей попытке понять взаимосвязь институциональных порядков, составляющих социальную структуру: в работе Вебера военные и религиозные, политические и юридические институциональные системы функционально связаны с экономическим порядком различными способами». На самом деле сходство Вебера с Марксом еще большее, чем обычно считается.

Пути к спасению

Анализируя связь между религиями мира и экономикой, Вебер разработал типологию путей спасения. Аскетизм – это первый широкий тип религиозности, и он сочетает в себе ориентацию на действия с приверженностью верующих отказывать себе в мирских удовольствиях. Аскетические религии делятся на два подтипа. Мирской аскетизм включает в себя набор норм и ценностей, которые побуждают последователей не работать в светском мире и бороться с его соблазнами. Большой интерес для Вебера, поскольку он охватывает кальвинизм, был аскетизм внутреннего мира. Такая религия не отвергает мир; вместо этого он активно призывает своих членов работать в мире, чтобы они могли найти спасение или, по крайней мере, его признаки. Отличительной целью здесь является строгий, методичный контроль над образцами жизни, мышлением и действиями членов. Членам настоятельно предлагается отвергнуть все неэтичное, эстетическое или зависимое от их эмоциональных реакций на светский мир. Внутренне-мирские аскеты мотивированы, чтобы систематизировать свое поведение. В то время как оба типа аскетизма связаны с каким-то действием и самоотречением, мистика подразумевает созерцание, эмоции и бездействие. Вебер разделил мистицизм так же, как и аскетизм. Мистицизм, отрицающий мир, включает в себя полный отказ от мира. Мистицизм внутреннего мира ведет к созерцательным усилиям по пониманию значения мира, но эти усилия обречены на провал, потому что мир рассматривается как находящийся вне индивидуального понимания. В любом случае оба типа мистицизма и отвергающий мир аскетизм можно рассматривать как системы идей, которые препятствуют развитию капитализма и рациональности. Напротив, аскетизм внутреннего мира – это система норм и ценностей, которая способствовала развитию этих явлений на Западе.

Протестантская этика и дух капитализма

Самая известная работа Макс Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». Эта работа представляет собой лишь небольшую часть более обширного изучения отношений между религией и современным капитализмом на протяжении большей части истории развития мира. Вебер, особенно позже в своей работе, дал понять, что его самый общий интерес был в развитии отличительной рациональности Запада. Капитализм с его рациональной организацией свободного труда, его открытым рынком и рациональной системой бухгалтерского учета является лишь одним из компонентов этой развивающейся системы. Он напрямую связывал его с параллельной разработкой рационализированной науки, права, политики, искусства, архитектуры, литературы, университетов и государственного устройства. Вебер напрямую не связывал систему идей протестантской этики со структурами капиталистической системы; вместо этого он связывал протестантскую этику с другой системой идей, «духом капитализма». Иными словами, две системы идей непосредственно связаны в этой работе. Хотя ссылки капиталистической экономической системы на материальный мир, безусловно, подразумеваются и указываются, они не были главной заботой Вебера. Таким образом, протестантская этика не связана с ростом современного капитализма, а связана с возникновением своеобразного духа, который в конечном итоге сделал современный рациональный капитализм (некоторая форма капитализма существовала с ранних времен), который расширяется и становится доминирующим в экономике.

Вебер начал с изучения и отказа от альтернативных объяснений того, почему капитализм возник на Западе в XVI и XVII веках. Тем, кто утверждал, что капитализм возник, потому что материальные условия были правильными в то время, Вебер возразил, что материальные условия также были в другие времена, а капитализм не возник. Вебер также отверг психологическую теорию о том, что развитие капитализма объясняется просто приобретением инстинкта. По его мнению, такой инстинкт всегда существовал, но в других ситуациях он не создавал условий для появления капитализма. Доказательства взглядов Вебера на значимость протестантизма были обнаружены при изучении стран со смешанными религиозными системами. Рассматривая эти страны, он обнаружил, что лидеры экономической системы – бизнес-лидеры, владельцы капитала, высококвалифицированная рабочая сила и более продвинутой техникой и коммерчески подготовленный персонал – были в подавляющем большинстве протестантами. Это показало, что протестантизм был важной причиной выбора этих профессий, и, наоборот, другие религии (например католицизм) не смогли создать системы идей, которые побуждали людей к этим призваниям.

Сегодня капитализм превратился в реальную организацию, которая сочетает нормы, ценности, рынок, деньги и законы. В терминах Дюркгейма он стал социальным фактом, который является внешним и принудительным для человека. Как сказал Вебер: «Капитализм сегодня – это огромный космос, в котором рождается человек, и который он представляет, по крайней мере, как неизменный порядок вещей, в которых он должен жить. Это заставляет индивида, насколько он вовлечен в систему рыночных отношений, соответствовать капиталистическим правилам действий. Еще один важный момент в том, что кальвинисты сознательно не стремились создать капиталистическую систему. По мнению Вебера, капитализм был непредвиденным последствием протестантской этики. Концепция непредвиденных последствий имеет большое значение в работе Вебера, поскольку он считает, что то, что отдельные лица и группы намереваются совершить своими действиями, часто приводит к ряду последствий, которые противоречат их намерениям. Хотя Вебер не объяснил этот момент, кажется, что это связано с его теоретическим представлением о том, что люди создают социальные структуры, но эти структуры вскоре берут на себя собственную жизнь, над которой у создателей практически нет контроля.

Кальвинизм и дух капитализма

Кальвинизм был версией протестантизма, которая больше всего интересовала Вебера. Одной из особенностей кальвинизма была идея о том, что для спасения выбрано лишь небольшое

количество людей. Кроме того, кальвинизм влечет за собой идею предопределения; люди были предопределены быть либо среди спасенных, либо среди проклятых. Не было ничего, что мог бы сделать человек или религия в целом, чтобы повлиять на эту судьбу. Тем не менее идея предопределения оставила людей неуверенными в том, были ли они среди спасенных. Чтобы уменьшить эту неопределенность, кальвинисты разработали идею о том, что знаки могут использоваться в качестве показателей того, был ли человек спасен. Люди были призваны трудиться, потому что, если бы они были прилежными, они бы могли раскрыть признаки спасения, кроющихся в экономическом успехе. В общем, кальвинисту было настоятельно предложено заняться интенсивной, мирской деятельностью и стать «человеком призвания». Однако изолированных действий было недостаточно. Кальвинизм, как этика, требовал самоконтроля и систематизированного стиля жизни, который включал комплексный круг действий, в частности бизнес-деятельность. Это контрастировало с христианским идеалом средневековья, в котором люди просто занимались отдельными действиями по мере того, как возникал случай, чтобы искупить особые грехи и увеличить их шансы на спасение. Кальвинизм создал этическую систему и в конечном счете группу людей, которые были зарождающимися капиталистами. Кальвинизм «имеет высочайшую этическую оценку трезвого, среднего класса, самостоятельного человека (человека, сделавшего себя самого)». Вебер аккуратно обобщил свою позицию по кальвинизму и его связи с капитализмом следующим образом:

«Религиозная оценка неустанной, непрерывной, систематической работы в мирском призвании, как высших средств аскетизма и в то же время как самое верное и наиболее очевидное доказательство перерождения и подлинной веры, должно было быть самым мощным мыслимым рычагом для расширения духа капитализма». В дополнение к своей общей связи с духом капитализма кальвинизм имел и некоторые более конкретные связи.

Во-первых, как уже упоминалось, капиталисты могли безжалостно преследовать свои экономические интересы и чувствовали, что такое преследование было не просто личным интересом, а было, по сути, их этическим делом. Это не только допускало беспрецедентную беспощадность в бизнесе, но и заставляло замолчать потенциальных критиков, которые не могли просто уменьшить эти действия до личных интересов.

Во-вторых, кальвинизм обеспечил процветающего капиталиста «трезвыми, добросовестными и необычайно трудолюбивыми рабочими, которые цеплялись за свою работу как за богом избранную цель всей своей жизни». С такой рабочей силой начинающий капиталист мог бы повысить уровень эксплуатации до беспрецедентных высот.

В-третьих, кальвинизм узаконил неравную систему стратификации, предоставив капиталисту «утешительные заверения в том, что неравномерное распределение товаров этого мира было особым распределением Божественного Провидения».

У Вебера также были сомнения относительно капиталистической системы, как и относительно всех аспектов рационализированного мира. Например, он отметил, что капитализм имеет тенденцию производить «специалистов без духа, чувствующих людей без сердца; эта ничтожность воображает, что она достигла уровня цивилизации, которого прежде никогда не было».

Протестантская этика и дух капитализма

Если кальвинизм был одним из причинных факторов роста капитализма на Западе, возникает вопрос: почему капитализм не возник в других обществах? Стремясь ответить на этот вопрос, Вебер исследовал духовные и материальные барьеры на пути расцвета капитализма. Давайте кратко рассмотрим анализ Вебера этих барьеров в двух обществах – Китае и Индии.

Религия и капитализм в Китае. Одно из важнейших предположений, которые позволили Веберу законно провести сравнение между Западом и Китаем, состоит в том, что у обоих были предпосылки для развития капитализма. В Китае существовала традиция интенсивного приобретения и недобросовестной конкуренции. Существовала огромная промышленность и огромный потенциал для работы среди простого населения (масс). Существовали могущественные гильдии. Население росло. Также был устойчивый рост драгоценных

металлов. С этими и другими материальными предпосылками возникает вопрос: почему капитализм не возник в Китае? Как уже указывалось ранее, общий ответ Вебера заключался в том, что социальные, структурные и религиозные барьеры в Китае препятствовали развитию капитализма. Это не означает, что капитализм полностью отсутствовал в Китае. Были ростовщики и поставщики, которые искали возможности получения высокой прибыли. Но рынок, а также различные другие компоненты рациональной капиталистической системы отсутствовали. По мнению Вебера, рудиментарный капитализм Китая «указал в направлении, противоположном развитию экономически рациональных корпоративных предприятий».

Структурные барьеры

Вебер перечислил несколько структурных барьеров препятствующих расцвету капитализма в Китае. Во-первых, существовала структура типичного китайского сообщества. Она основывалась на сильных кровнородственных связях в форме «сиб» – родственная группа, клан. Сибами управляли старейшины, которые делали их крепостями традиционализма. Сибы были автономными единицами и мало взаимодействовали с другими. Таким образом, это способствовало развитию небольших инкапсулированных (изолированных) землевладений и домохозяйств, а не рыночной экономики. Обширное разделение земли препятствовало крупным технологическим разработкам, поскольку экономия за счет масштаба была невозможна. Сельскохозяйственное производство оставалось в руках крестьян, промышленное производство в руках мелких ремесленников. Современные города, которые должны были стать центрами западного капитализма, были заторможены в своем развитии, потому что люди сохранили свою преданность сибам (кровнородственным связям). Из-за автономии сибов центральное правительство никогда не могло эффективно управлять этими подразделениями или собрать их в единое целое.

Структура китайского государства была вторым препятствием на пути развития капитализма. Государство было в основном родовым и управлялось традициями, прерогативой и фаворитизмом. По мнению Вебера, рациональной и расчетливой системы управления и правоохранительной деятельности, необходимой для промышленного развития, не существовало. Было очень мало официальных законов, касающихся торговли, не было центрального суда, и юридический формализм полностью отрицался. Этот иррациональный тип административной структуры был препятствием для развития капитализма, как сказал Вебер: «Капиталовложения в промышленность слишком чувствительны к таким иррациональным правилам и слишком зависимы от возможности расчета устойчивой и рациональной работы государственного аппарата, чтобы возникнуть внутри администрации такого типа».

В дополнение к своей общей структуре, также против развития капитализма действовал ряд более специфических государственных компонентов. Например, чиновники бюрократической администрации обладали материальными интересами, которые заставляли их противостоять капитализму. Должностные лица часто покупали офисы, прежде всего, для получения прибыли, и такая ориентация не обязательно приводила к высокой эффективности.

Третий структурный барьер для развития капитализма был сущность и характер китайского языка. По мнению Вебера, это противоречило рациональности, затрудняя систематическое мышление. Он оставался в основном в сфере «изобразительного» и «описательного». Логическое мышление также было подавлено, поскольку интеллектуальная мысль оставалась в основном в виде притч, и это едва ли стало основой для развития совокупного знания. Несмотря на наличие других структурных барьеров для развития капитализма (например страны без войн или внешней торговли), ключевым фактором было отсутствие требуемого «менталитета», отсутствие необходимой системы идей. Вебер рассмотрел на две доминирующие системы религиозных идей в Китае – конфуцианство и даосизм – и характеристики обоих, которые способствовали развитию духа капитализма.

Конфуцианство

Главной характеристикой конфуцианского мышления был его акцент на литературном образовании как требования для работы в каком-либо «ведомстве» и социального статуса. Чтобы получить позицию в правящих стратах, человек должен был быть образованным. Движение по иерархии было основано на системе идей, которые проверяли литературные знания, а не технические знания, необходимые для ведения этого ведомства. То, что оценивалось и тестировалось, – обладал ли он способом мышления, подходящим для культурного человека. С точки зрения Вебера, конфуцианство поощряло «высоко книжное литературное образование». Образованные люди, созданные этой системой, рассматривали фактическую работу администрации, как нечто ниже их достоинства, и простые задачи, которые должны быть лишь делегированы подчиненным. Вместо этого образованные люди стремились к умным каламбурам, эвфемизмам и намекам на классические цитаты – чисто литературный вид интеллектуализации. С такой ориентацией легко понять, почему эти люди не заботились о состоянии экономики или экономической деятельности. Мировоззрение конфуцианцев в конечном итоге стало политикой государства. В результате китайское государство оказалось лишь минимально вовлеченным в рациональное влияние на экономику и остальное общество. Конфуцианцы сохранили свое влияние, установив конституционный декрет о том, что только они могут служить чиновниками, а их конкурентам (например: буржуазия, пророки и священники) был заблокирован доступ к службе в правительстве. На самом деле, если бы император осмелился отклониться от этого правила, про него подумали бы, что он играет с огнем и может лишиться своего трона.

Многие другие компоненты конфуцианства противостояли капитализму. Это было в основном этикой приспособления к миру и его порядку и его убеждениям. Вместо того, чтобы рассматривать материальный успех и богатство как знак спасения, как это делали кальвинисты, конфуцианцы просто принимали вещи такими, какими они были. Фактически в конфуцианстве не было понятия о спасении, и эта нехватка напряженности между религией и миром также препятствовала развитию капитализма. Снобу-конфуцианцу было предложено отказаться от бережливости, потому что это считалось уделом простолюдинов. В отличие от пуританской трудовой этики, работать для приверженцев конфуцианства считалось не подходящим, хотя богатство ценилось. Активное участие в прибыльном предприятии считалось морально сомнительным и неприемлемым для верований конфуцианцев. Достойной целью для такого конфуцианца была хорошая должность, а не высокая прибыль. Такая этика подчеркивала способности конфуцианца, а не высокоспециализированные навыки, которые могли бы оказаться полезными для развивающейся капиталистической системы. В итоге Вебер утверждал, что конфуцианство стало неустанной канонизацией традиции.

Даосизм

Вебер воспринимал даосизм как мистическую китайскую религию, в которой высшим добром считалось психическое состояние, состояние ума, а не состояние благодати, которое можно было получить путем поведения в реальном мире. В результате даосисты не действовали рационально, чтобы влиять на внешний мир. Даосизм был по существу традиционным, и одним из его основных принципов было – «Не вводить инновации». Такая система идей вряд ли привела бы к каким-либо серьезным изменениям, не говоря уже о столь же далеко идущим, как капитализм. Как и в случае конфуцианства, в даосизме не было достаточного напряжения или конфликта между членами, чтобы побудить их изменить мир или, более конкретно, построить капиталистическую систему.

Религия и капитализм в Индии

Вебер также обсудил структурные барьеры кастовой системы. Между прочим кастовая система создавала огромные препятствия для социальной мобильности, и она, как правило, регулировала даже самые мельчайшие аспекты жизни людей. Система идей брахманов имела ряд компонентов. Например, ожидалось, что брахманы будут избегать вульгарных (простонародных) занятий и будут представлять элегантность в своих манерах и поведении. Безразличие к мирским делам мира было главной идеей религиозности Брахмана.

Индуистская религия создавала сходные идеологические барьеры. Его ключевой идеей была реинкарнация. Согласно верованиям индуистов – человек рождается в касте, которую он или она заслуживает в силу поведения в прошлой жизни. Благодаря верному соблюдению ритуала касты, человек получает заслуги для следующей жизни. Индуизм, в отличие от кальвинизма, был традиционным в том смысле, что спасение должно было быть достигнуто путем правильного следования правилам; инновации, особенно в экономической сфере, не могли привести к высшей касте в следующей жизни. Деятельность в этом мире была неважной, потому что мир рассматривался как преходящее местожительство и препятствие для духовных поисков. Этими и другими способами система идей, связанных с индуизмом, не смогла создать людей, которые могли бы создать капиталистическую экономическую систему и, в более общем плане, рационально упорядоченное общество.

Критика

Существуют многочисленные критические замечания относительно теории Вебера. В данной книге будут рассмотрены четыре самых важных. Первая критика связана с методом понимания «verstehen» Вебера. Вебер находился между двумя проблемами в отношении данного понятия «verstehen». С одной стороны, это не просто означает субъективную интуицию, потому что тогда этот метод не был бы научным. С другой стороны, социолог не мог просто провозгласить «объективный» смысл социальных явлений. Вебер заявил, что его метод находится между этими двумя вариантами, но он так и не объяснил это более подробно. Другие предположили, что «verstehen» должен рассматриваться как социальный процесс, и что наше понимание других всегда вытекает из диалога.

Второе критическое замечание заключается в том, что Веберу не хватает полностью теоретизированной макросоциологии. Авторы уже изучили противоречия между индивидуалистским методом Вебера и его фокусом на крупномасштабных социальных структурах и мировоззренческих нормах. В методе Вебера класс сводится к совокупности людей в одной и той же экономической ситуации. Политическая структура сводится к принятию господства из-за субъективно воспринимаемой легитимности с точки зрения рациональности, харизмы или традиций. Вебер, безусловно, признает, что классовые и политические структуры оказывают влияние на людей, не говоря уже о таких макроявлениях, как религия и рационализация, но он не имеет возможности теоретизировать эти эффекты, кроме как представить их в качестве набора непреднамеренных последствий. У него нет теории о том, что они работают как системы за спиной индивидов, а в некоторых случаях даже определяют намерения акторов.

Третье критическое замечание теории Вебера заключается в том, что ему не хватает критической теории. Вебер использовал термин рационализация несколькими способами, но в первую очередь он занимался двумя типами. Один из них касается развития бюрократии и ее правовой формы власти. Другой относится к субъективным изменениям в отношении, которые он назвал формальной рациональностью. В слиянии бюрократии и формальной рациональности можно увидеть то, что Вебер описывал как непреднамеренные последствия. Создание бюрократии и адаптация формальной рациональности в конечном итоге подрывают те самые цели, которым должна была служить рационализация. Это то, что авторы книги назвали иррациональными последствиями рациональностей. Известная железная клетка Вебера является одним из этих иррациональных последствий. Первоначально бюрократия и

формальная рациональность были разработаны из-за их эффективности, предсказуемости, исчислимости и контроля в достижении конкретной цели (например для помощи бедным). Но по мере того, как происходит рационализация, первоначальная цель, как правило, забывается, и организация все больше и больше посвящает себя эффективности, предсказуемости, исчислимости и контролю. Например, бюрократы, работающие в сфере социального обеспечения, измеряют свой успех своей эффективностью в «контакте» с клиентами, даже в их эффективности в обеспечении их благосостояния, независимо от того, действительно ли это служит первоначальной цели – помочь бедным улучшить свои жизненные условия.

Последним критическим замечанием является неутомимый пессимизм социологии Вебера. Из социологического метода Вебера можно увидеть, что он твердо верил в центральность индивидуального значения; однако его основная работа по рационализации и господству показала, что мы оказались в ловушке все более бессмысленного и разочарованного мира. Таким образом, Вебер много времени анализировал как ранние, более примитивные религии, так и мировые религии, которые выступали в качестве препятствий для повышения рациональности. Вебер отметил, что «священное является единственным неизменным». Несмотря на это мнение, религия на Западе оказалась изменчивой; она была поддающейся рационализации, и она сыграла ключевую роль в рационализации других секторов общества.

Ранние формы религии состояли из великого множества богов, но с рационализацией возник ясный и последовательный набор богов (пантеон). Пантеон богов был не единственным аспектом рационализации религии, обсуждаемый Вебером. Он также рассматривал вопрос о делимитации юрисдикции богов, монотеизма и антропоморфизации богов как части этого развития. Хотя давление на рационализацию существует во многих мировых религиях, за пределами западного мира барьеры на пути к рационализации более чем уравнивают давление на рационализацию.

Духовенство – не единственная группа, которая играет ключевую роль в рационализации. Пророки и миряне также важны в этом процессе. Пророков можно отличить от священников своим личным призванием, их эмоциональной проповеди, провозглашением доктрины и тем фактом, что они, как правило, непопулярны и работают в одиночку. Ключевая роль пророка – мобилизация мирян, потому что религии не будут без группы последователей. В отличие от священников, пророки не учитывают нужды общины/конгрегации. Вебер различал два типа пророков: этический и образцовый.

Этические пророки (Мухаммад, Иисус Христос и Ветхозаветные пророки) считают, что они получили миссию непосредственно от Бога и требуют послушания как этического долга от последователей.

Образцовые пророки (Будда – образец) демонстрируют личным примером путь к религиозному спасению. В любом случае успешные пророки могут привлечь большое количество последователей, и именно эта масса вместе со священниками формирует основу религии. Пророки, скорее всего, сначала привлекут к себе личных последователей, но необходимо, чтобы эта группа была преобразована в постоянную общину. Как только светские люди сформированы в такую группу, были сделаны серьезные шаги по рационализации религии. Пророки играют ключевую начальную роль, но как только община/конгрегация формируется, они больше не нужны. На самом деле, поскольку они в значительной степени иррациональны, они представляют собой барьер для подобной рационализации религии. Конфликт развивается между священниками и пророками, но это конфликт, который должен быть выигран в конечном итоге более рациональным духовенством. В данном конфликте священникам помогает рационализация в остальном обществе. По мере того, как светский мир становится все более грамотным и бюрократизированным, задача воспитания масс все более возрастает среди священников, грамотность которых дает им огромное преимущество перед пророками. Кроме того, хотя пророки ведут проповеди, священники берут на себя задачу повседневной пастырской заботы. Хотя проповедь важна в экстраординарные времена, пастырская забота или ежедневное религиозное воспитание является важным инструментом в растущей власти духовенства. Эта рационализированная религия особенно широко распространяется среди городского среднего класса, и именно там она сыграла ключевую роль в рационализации экономической жизни, а также во всех других сферах жизни.

Современное применение

Во-первых, Ритцер представил концепцию Макдональдизации для анализа процесса рационализации в современном потребительском обществе. Для Вебера бюрократия была центральной формой рационализации в Европе 19-го века. Ритцер относится к фаст-фуд – индустрии и, в частности, к ресторану Макдональдс, как к модели рационализации в конце XX-го и начале XXI века. Ресторан Макдональдс воплощает основные институционализированные особенности формальной рациональности: исчисляемость, эффективность, предсказуемость, контроль неопределенности и все более широкое использование технологий. Короче говоря, ресторан Макдональдс представил форму потребления, которая является надежной, дешевой и хорошо вписывается в потребительские общества, которые организованы вокруг скорости и эффективности. Как и бюрократия, Макдональдизация угрожает раскрыть повседневную жизнь. Тем не менее потребительская культура научилась воссоздавать мир, постоянно внедряя новые и более впечатляющие разновидности потребления. Продолжающаяся применимость концепций Вебера и Ритцера демонстрируется растущим числом исследований, которые анализируют макдональдизацию учреждений, отличных от ресторана быстрого питания.

Во-вторых, социологи применили концепцию харизматического господства Вебера для понимания лидеров новых религиозных движений или культов, социальных движений, таких как Фалуньгун (новое религиозное движение) и политического лидерства. Например, Карин Кнорр Цетина применила концепцию харизмы, чтобы объяснить избрание Барака Обамы американским президентом. Она начинает с того, что напоминает нам, что харизма не является качеством, присущим лидеру, но чем то, что приписывается группой. Тогда первый вопрос заключается в том, почему «так много американцев были готовы чтобы дать ему неоспоримую поддержку?». Кнорр Цетина ищет причину в социальном и экономическом климате. В годы, предшествовавшие выборам 2008 года, «Америка столкнулась с резким падением своей валюты, огромным экономическим дефицитом, потерей рабочих мест из-за более дешевой рабочей силы в других странах и плохими показателями в войне в Ираке и в войне с терроризмом во время правления Буша».

Другими словами, многие американцы были готовы предоставить свой голос человеку, который мог бы изменить ситуацию. Но кто может «быть» в роли харизматического лидера? Почему Обама, а не его соперник-демократ – Хиллари Клинтон? Оба обещали изменить политику, но, самое главное, Кнорр Цетина предлагает, что Обаму воспринимали как аутсайдера. Харизматические лидеры всегда аутсайдеры. Они бросают вызов бюрократии. Они бросают вызов статус-кво. Кроме того, опираясь на народную сказку о Гамельнском дудочнике (который уводит детей и скот под звук своей дудочки), Кнорр Цетина говорит, что харизматический лидер должен быть «дудочником». Обама – потрясающий дудочник. Его глубокий и властный голос – его инструмент. Он заставляет его «резонировать в слушателе». Более того, во время кампании охват его голоса был увеличен благодаря широкой рекламе и беспрецедентному использованию социальных сетей. Действительно, благодаря текстовым сообщениям кампания Обамы создала чувство непосредственной близости и связи, которая привела сторонников Обамы, говорит Кнорр Цетина, в восторг от его внимания. Она не только подтверждает коллективную основу харизмы, но, обсуждая медиа технологию, подчеркивает очень современную технику создания харизмы.